

— Сянь Жо видела тебя? — прервал его Бай Чэ. — О чём она спрашивала?

— Она спросила, кто снял с меня печать молчания, — опустив голову, ответил призрак. — Господин, вы не сказали, что нельзя рассказывать, поэтому я...

Бай Чэ понимал, что, попав в руки Сянь Жо, призрак ничего не мог поделать, поэтому не стал его винить:

— Она ещё что-то говорила?

— Она...

Призрак подумал, затем сказал:

— Когда я уходил, услышал, как она сказала своим людям: «Похоже, всё правильно». Больше ничего.

Видимо, Сянь Жо действительно смогла подтвердить его личность по этому одному действию. Бай Чэ подумал, затем сказал призраку:

— Хорошо, продолжай искать Юэ Чжао.

Призрак чуть не заплакал:

— Господин...

— Сосуд повеления призраками?

— Я пойду, — смирившись, призрак исчез.

На следующий день Бай Чэ и Цяо Линнань сопровождали Ван Кэцзин в Отдел паранормальных расследований Сянь Жо. Ван Кэцзин должна была забрать останки Ван Дина.

Ранее люди Сянь Жо, связываясь с Ван Кэцзин, лишь сообщили, что Ван Дин умер, не вдаваясь в подробности. Поскольку его нынешний вид был слишком ужасен, Цяо Линнань также лишь кратко рассказал о происшествии, не упоминая деталей смерти.

Теперь он переживал, что Ван Кэцзин не выдержит, увидев останки Ван Дина, и даже у входа продолжал её успокаивать. Бай Чэ, послушав немного, молча вошёл внутрь.

Когда они с Ван Кэцзин вошли и увидели тело, Цяо Линнань заметил, что оно уже выглядело нормально. Хотя и не идеально, но, по крайней мере, было покрыто плотью и кровью, а не представляло собой только кожу и кости.

Цяо Линнань облегчённо вздохнул, увидев Бай Чэ, стоящего рядом. Видимо, это он всё уладил. Цяо Линнань незаметно подошёл к нему. Бай Чэ всегда выглядел уставшим после использования магии, и, если он устанет, он сможет его поддержать.

Хотя тело Ван Дина выглядело нормально, Ван Кэцзин всё равно разрыдалась. Это было естественно, даже Цяо Линнань и Гао Сяошоу не смогли сдержать слёз. Им потребовалось много усилий, чтобы успокоить её.

Когда Сянь Жо попросила Ван Кэцзин подписать документы, она взглянула на Бай Чэ. Этот взгляд явно отличался от её обычных притворно дружелюбных глаз — он был глубоким и

пугающим. Бай Чэ знал, что она поняла, что он использовал иллюзию, но это не имело значения. Она уже решила его убить, и ему не нужно было скрываться.

К счастью, Сянь Жо не разоблачила их и не разрушила иллюзию, чтобы снова не расстраивать Ван Кэцзин.

Выйдя из отдела, Бай Чэ тайно посоветовал Цяо Линнаню как можно скорее кремировать тело Ван Дина, чтобы, если иллюзия будет разрушена, Ван Кэцзин снова не переживала.

Цяо Линнань тоже беспокоился о возможных осложнениях и сразу же поговорил с Ван Кэцзин. Она, выйдя из отдела, успокоилась, даже слишком, будто не она только что рыдала.

На предложение Цяо Линнаня Ван Кэцзин не возразила. В следующие несколько дней Цяо Линнань помогал ей с похоронами Ван Дина, а Бай Чэ и Гао Сяошоу, естественно, сопровождали их.

В тот день, когда всё было завершено, Ван Кэцзин вдруг спросила Цяо Линнаня:

— Брат Нань, ты слышал что-нибудь о Лян Сине?

Услышав этот вопрос, Цяо Линнань внутренне напрягся. Ван Дин умер, и он уже чувствовал себя виноватым, что уж говорить о Ван Кэцзин, которая уехала путешествовать? Она всегда была рассудительной и самостоятельной, но в таких ситуациях это не всегда хорошо.

Она всё это время оставалась спокойной, и Цяо Линнань уже давно беспокоился. Теперь, услышав её вопрос, он не мог не попытаться успокоить её:

— Сяо Цзин, я понимаю твои чувства, но это дело...

— Я знаю, — прервала его Ван Кэцзин. — Я понимаю, что ты хочешь сказать. Я знаю, что, возможно, это не было намерением Лян Синя, и он даже не виноват. Но, брат Нань, если я не буду его ненавидеть, мне придётся ненавидеть себя. А если я начну ненавидеть себя, я не знаю, что мне делать дальше.

Цяо Линнань вдруг замолчал. Он хотел успокоить Ван Кэцзин не ради Лян Синя. Лян Синь, находясь у Сянь Жо, конечно, знал о смерти Ван Дина, но за эти дни так и не появился. Даже если в любви нет правых и виноватых, Ван Дин был его учителем много лет, и его отношение разочаровало Цяо Линнаня. Он хотел успокоить Ван Кэцзин только ради её же блага. Но после её слов он действительно не мог больше уговаривать.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Это было самое большое желание твоего отца, — сказал Цяо Линнань, хотя понимал, что такие слова вряд ли помогут.

— Я знаю, — спокойно ответила Ван Кэцзин.

Цяо Линнань вздохнул и сказал:

— Если я что-то узнаю о Лян Сине, сразу тебе сообщу. Если тебе что-то понадобится, обращайся к нам.

Попрощавшись с Ван Кэцзин, все замолчали, и в машине воцарилась тяжёлая атмосфера. Бай Чэ хотел что-то сказать, но разговоры никогда не были его сильной стороной.

Он незаметно ткнул Янь-Янь, которая, не понимая, подняла на него взгляд. Бай Чэ открыл рот,

давая понять, что ей нужно начать разговор, чтобы разрядить обстановку. Бай Чэ всегда был молчалив, и Янь-Янь привыкла к его способам выражения, понимая его намерения.

Янь-Янь была в недоумении: ты переживаешь за своего парня, сам и говори! Зачем меня подставлять?

Но она не могла послушаться Бай Чэ, поэтому взяла инициативу на себя.

Подумав, она прыгнула на спинку сиденья переднего пассажира и обратилась к Гао Сяошоу:

— Высокий толстяк, вы правда не знаете, где этот бессовестный?

Гао Сяошоу тоже любил поговорить, поэтому тяжёлая атмосфера ему была не по душе, но он боялся мешать пассажирам сзади. Теперь, когда Янь-Янь заговорила, он с радостью подхватил тему. Однако ему не понравилось, что она назвала его «высоким толстяком», поэтому он не ответил ей, а обратился к Бай Чэ:

— Господин Бай, вы что-нибудь слышали о Чу Яо?

В эти дни, хотя они и занимались похоронами Ван Дина, поиски Чу Яо не прекращались.

Бай Чэ ответил:

— Нет, господин Гао, вы...

Его слова прервал Цяо Линнань:

— Стоп!

— Что такое? — удивился Бай Чэ.

— Вам не надоело так официально обращаться друг к другу? Почему вы до сих пор так чужды? — с улыбкой посмотрел на Бай Чэ Цяо Линнань.

В глазах Бай Чэ мелькнул блеск:

— А как мне его называть?

Гао Сяошоу, услышав это, тут же предложил:

— Зови меня братишкой Пирожком.

Братишкой? Бай Чэ слегка замялся. Хотя Гао Сяошоу действительно был старше, такое обращение звучало немного странно.

Не дав Бай Чэ возразить, Цяо Линнань вмешался:

— Какой братишка? Это тот, кого ты должен называть снохой!

Снохой?! Гао Сяошоу не сдержал смеха. Янь-Янь, которая в это время практиковала стойку на одной ноге, неожиданно получила порцию «собачьего корма» и свалилась вниз головой. Она просто осталась сидеть на переднем сиденье, не пытаясь выбраться.

Бай Чэ даже не обратил внимания на них. Он широко раскрыл глаза, глядя на Цяо Линнаня.

Цяо Линнань с улыбкой посмотрел на него. Бай Чэ застыл с каменным лицом, но его глаза были широко раскрыты, словно он был в полном шоке. Цяо Линнань невольно улыбнулся. Он выглядел так мило! Оказывается, даже каменное лицо может выражать такие эмоции!

Он погладил Бай Чэ по голове и спросил:

— Что, не хочешь?

Бай Чэ резко отвернулся к окну.

Цяо Линнань не подумал, что Бай Чэ смутился. На самом деле, в его глазах не было смущения, а лишь радость. Значит, Цяо Линнань принял его? Определённо!

В машине снова воцарилась тишина, но на этот раз не было неловкости. Даже Гао Сяошоу улыбался, хотя в душе всё ещё подшучивал над Цяо Линнанем: кто ещё недавно говорил, что не испытывает к Бай Чэ чувств? А теперь уже называет его снохой!

Бай Чэ посмотрел в окно, затем вдруг повернулся к Цяо Линнаню:

— Я придумал способ.

— Что? — Цяо Линнань был озадачен.

<http://bllate.org/book/16794/1564026>